

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
"ИСКУССТВО XX ВЕКА - ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ"

Грабеневич, Аркадий

ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ, СЛОВО В КОНТЕКСТЕ

(Диалог)

Мы только что говорили, что дьявол осознается нами как несвобода. Однако, для большинства несвобода связана с рабством. В то же время говорят "раб Божий".... Рабство, как и работа может быть добровольным. Несвобода - насильственна.

Да, притом, заметь, говорят "слуга дьявола" и "раб Божий", но никогда не "раб дьявола". Здесь надежда на неокончательное порабощение и, я думаю, иной характер. Ведь служат за вознаграждение, работают же из страха.

Поэтому о "слуге дьявола" можно сказать словами Христа: "ты уже получил свое вознаграждение". А его так называемая несвобода возникла как функциональная связь с миром - кажущаяся не свободной, но натянутую, не связью, но связанностью.

Т.е., вышедший из-под контроля. Вознаграждение, от которого уже не в силах отказаться. Для одного это слава, для другого - деньги, а для нас - "равнодушные ясной мысли, близкое к наслаждению", как сказал Платонов.

Иными словами, ты считаешь, что несвобода обусловлена наслаждением. Или, перефразируя знаменитые слова, нельзя жить в обществе и не получать удовольствий, которые, имея в виду связанность, есть союз, подкрепляющие внутренний статус. Благополучие консервативно. Но, "кто сбережет душу свою, тот потеряет ее".

Да, вспомни у Мандельштама: "С миром державным я был лишь ребячески связан", или - "когда подумаешь, чем связан с миром..." Кажется, нецадкий дар в отличии от интеллектуальной добычи есть благодать за самоотвержение. "Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее."

"Благодать за?..." - тут ты и попадаешь. Да и с Мандельштамом не все так просто. Ведь "когда подумаешь, чем связан с миром" - сказано не без горечи. Мне кажется, что свобода развязанности так же мучительна, как и связанность несвободы.

Но есть третье - жесткая связь, натяжение, контролируемое волей. "Меж тобой и страной ледяная рождается связь".

Верно, чем шире контекст, в котором участвует личность, тем неподдельнее ее свобода. У Мандельштама - это страна, у Христа - человечество, церковь умерших и живущих.

Хорошо, но что понимать под участием, не количество же знакомых и близких?

Нет, только друзей.

То есть?

Мандельштам, например, писал: "Всех живущих прижизненный друг". А Иисус сказал: "кто душу положил за други..." Ведь нелюбовь - это одиночество Я, не умеющего вместить Другого. "Друг" (другой, дорогой для тебя человек) и "искренний" (т.е. одного с тобой корня) это два превращения понятия "близкий".

Так. И здесь мы подходим к теме. Вспомни, что Христа называют вторым Адамом. Он как бы напомнил людям, что все они - одного корня. Но ведь Слово-Логос - еще и Разум, для которого мир - система, где каждый связан со всеми. Так и в языке - отдельно взятое слово родственно всем другим. Этимология - приблизительна, она занимается лишь близкими родственниками. В общем, можно сказать, что слова с маленькой буквы также в корне разобщены, как и люди, их сочинители.

Поэтому мы привыкли, что смысл слова обуславливается контекстом. А судя по современной поэзии можно создать контекст, в котором данное слово будет иметь любое заданное значение. Остается вопрос: существует ли слово как таковое? Помнишь хасидскую притчу: человек надевает шляпу, пальто, ботинки, потом спрашивает: "А где же я сам?"

Не понял, тебя интересует человек или слово? И потом, не кажется ли тебе, что случайный набор слов, мешок слов, безразличен к понятию свободы каждого. Сравни с толпой. Она

никогда не собирается просто так. Их всегда что-то связывает — происшествие, любопытство. Толпа на салюте! Человек в толпе вероятно не чувствует своей несвободы (как не "чувствует" ее слово в мешке), ведь над ним не совершают насилия.

Если я тебя понял, ты ставишь вопрос о критерии добровольности. Добрая воля явление субъективное. Любое вмешательство, любое экспериментальное наблюдение (например, интервью или психологический тест) искажает картину. Я думаю, люди в толпе объединены тем, что никто из них не ставит таких вопросов, точнее, не отвечает на них, /не ведет внутреннего диалога/. Это можно принять за определение толпы. Антиеза — толпы — личность. Выделение личности из толпы начинается с постановки вопроса и заканчивается ответом.

Вот, вот и стоики говорят о неслыханной с толпой. Наоборот, Христа и апостолов мы часто видим среди народа. Да и Мандельштам в поздних стихах не чувствует в толпе одиночества. Я думаю, участие в мире есть такое отношение части к целому, когда эта часть, как Иисус весь мир, может вмещать в себя целое. "Я говорю за всех" — сказал поэт, он же назвал Христа "устами вселенной".

Послушай, то, о чем ты хочешь сказать, вроде и так известно. Вспомни хотя бы строчку Тарковского: "Когда я перевоплощаюсь в слово..." По-моему, о том, что поэт, подражая Христу, становится словом, вернее должен им стать, знают уже все.

Верно, ведь первым дал основание сравнить человека со словом еще Иоанн Богослов. И это, кажется, нечто большее, чем метафора. В метафоре второй член сравненья остается равным себе, а здесь Человек сравнивается с какой-то мелочью, с сотрясением воздуха. В самом деле, слова Иоанна свидетельствуют не только о Человеке, который равен своему слову, но и о Слове, которое равно человеку. А что же утверждает Тарковский? Две вещи. Во-первых, что он в момент вдохновения подобен Христу. И этого мы, конечно, проверить не можем. Но и второе, — что его слово абсолютно свободно. Ибо слово, в которое входит личность, само становится личностью, притом

совершенно свободной, ибо только такая личность может войти в слово.

Хорошо, итак поэт, по-твоему, входит в одно слово, в другое, в третье. Но слова-то разные. Как же это одна личность вошла в разные слова? Мистика!

Да, элемент мистики в этом есть. Точнее, чуда. Ведь воплощение сверхъестественно. Но мы и не собираемся анализировать чудо. Важно другое. Вспомни, что "личность" это "*persona*", т.е. маска, действующее лицо, роль. Я думаю, понятие социальной роли применимо и к слову. Если бы личность в любых контекстах оставалась равной себе, -- свобода (слово как таковое) была бы возможна лишь на необитаемом острове.

Но, как ты помнишь, Флоренский различал лицо, лиц и личину, а ты вместе с "*ролью*" их смешиваешь. Не лучше ли нам с необитаемого острова вернуться на нашу ~~шиши~~ почву, где принятие социальной роли несовместимо со свободой?

А по-моему это иллюзия. И вызвана она тем, что большинство играет не свои роли. Как в плохих стихах каждое слово не на своем месте. Подумай, ведь полный отказ от роли это разрыв всех связей, ибо роль человека в мире это связь человека с обществом. Конечно, в пределе, связь превращается в луч, человек -- в солнце, а земля -- в рай, где люди, как звезды, соединяются светом, "и звезда с звездой говорит". Но ведь и звезды связаны тяготением.

А вот и нет. Звезды, как и планеты, мало влияют друг на друга. Их связывает единый центр. Галактический центр, или для планет -- солнце. Т.о., закон звезд и планет есть обращение вокруг единого центра. Общество не дает людям центра. Единственной общностью, которая его дает, является церковь, где "солнце истины" это Бог.

Да, поэтому раннее христианство сразу противопоставило мир и церковь, т.е. собрание избранных, чего, кстати, не сделала до него ни одна религия. И это понятно. Церковь представляет собой идеальный тип внеобщественных отношений, зафиксированный в символе веры словами "единая" и "собор-

ная". Это общность, в которой каждый свободен и все едини.

Т.е. общность спасенных - "кто теряет душу свою ради Мена, тот сбережет ее".

Итак, я думаю, все люди делятся на тех, кто теряет душу свою напрасно, чья личность обезличивается, далее на тех, кто сохранил свою индивидуальность, особенность своей души, и тех немногих, да и есть ли они сейчас, кто потерял свою душу ради...

Три типа личности, которые ты назвал, можно соотнести с тремя типами действий: самовольным, непроизвольным и добровольным. Первое лишь по видимости есть следование своей воле; но и волевой, и довольный обезличены миром и зависят от произвола случайностей. Человек же сохранивший себя (от мира), обретает естественность (как цечаянность). Наконец, действующий по доброй воле, - свободен. Такой человек выступает в своем абсолютном значении. В этом смысле и слово в гениальных стихах либо абсолютно естественно, как иногда у Хлебникова, либо свободно, как в "Стихах о Неизвестном Солдате". Нет слов служебных: каждое слово живет, либо - работает. Вот классификация!

Итак, поэзия угрожает произвольное /какое мне угодно/ употребление слова, или - банальность. Последнее - удел первой культуры, а первое - второй (есть, разумеется, и исключения). Но, что характерно, если в первой действительности личность как бы стирается, то вторая - коллективный юрод - "многоголовая гидра", как сказал Кривулин. Сколько лиц, сколько стилей! Но, как известно, "стиль отсыдает к биологическому началу в человеке" /Барт/, к его природе. И, освобождая слово от социальных связей, мы подчиняемся не столько природе слова, сколько своей индивидуальности.

Да, потому что индивидуальность /по Дали/ это природная человеческая особенность, попросту - особь.

Но, как ты знаешь, из всех жизненных функций высшая /наиболее "человеческая"/ - это игра. Поэтому большое, на что способна индивидуальность в поэзии это разыгрывание природы. Можно сказать, что поэт как бы отпускает слово

для игры, предоставляя ему свободу разыгрывания природы.

Но это освобождение, не будучи полным, есть подчинение слова его материальной значимости. "Чай-жил птенцом в узорной клетке чашки" - пример из поэзии Драгомощенко, где желтый чай жил, как птенец / цыпленок, что ли?.. в чашке с нарисованной на ней узорной клеткой, разыгрывал свою природу, природу клетки и чашки.

Полное же освобождение слова возможно как абсолютное преодоление стиля, когда слово либо, я снова процитирую Барта, "превращается в акт, лишенный ближайшего прошлого и окружающего контекста, но зато в нем сгущается память о всех породивших его корнях", либо абсолютно естественно, как у Хлебникова.

Замечу, кстати, что отсутствие стиля, как, скажем, у нас в диалоге, не есть еще его преодоление, это не-до-стиль, точнее, употребление слов в их прикладном значении, письмо, "акт исторической солидарности". Освобождение же слова, как, скажем, у Мандельштама, лежит на пределе личности, а не вне ее.

Можно сказать, что разыгрывание природы - есть подобие праздника, "фейерверк поэтической праздничности", как сказал о Пастернаке Дм.Лихачев. Свобода как праздник и свобода - осознанная необходимость, будничная и будящая. В этом различие индивидуальной естественности и личности в христианском смысле. Природа слова есть материальное обозначаемое, денотат. Мистерия праздника, карнавал, проявляется в речи, как разрыв системности языка. Так и праздник в календаре - это время разъятия всех социальных связей, как бы преобраз хилиастической вечности. В поэзии же Мандельштама, в поздних его стихах, слово свободно победой над своим материальным смыслом, свободно именно обретением полноты своих корневых связей. "Я хочу упереться в свое гробовое дно, в невозможность выбора, в отсутствие всякой свободы..."

Т.е. в "закон свободы", как сказал бы апостол Иаков или Мандельштам в своих ранних стихах: "Я свободе как закону подчинен и потому..." Можно, т.о., говорить о трех типах слов или трех контекстах, которые преображают данное слово. Во-

первых, это слова, исполняющие роль, подчиняясь либо запросам общества, либо прихоти индивидуальности. Это слова-маски, личины. Во-вторых, контексты, в которых слово выступает как имя, разыгрывая свою естественную природу, материальную значимость. Это слова-лица. Наконец, слово в абсолютном значении, или "слово-солнце", как его назвал Мандельштам, и здесь невольно вспоминаешь о лике.

Согласен, но, - по-видимому, и лицо, и "слово-солнце" лишь метафоры, не могущие заменить ясной мысли. Не мог ли бы ты уточнить, что значит слово в абсолютном значении.

Попробую. Помнишь, наш любимый поэт воскликнул где-то: "Равве вещь хозяин слова!" Отождествлять слово и вещь так же обидно, как человека с его профессией. Но и снятие социального /наивного/ ответа на вопрос "кто он?" - "просто человек"/ происходит лишь в бане и на пляже. Природа не имеет права на человека, так же, как и государство. И здесь открываются две возможности. Одна - на вопрос "кто он?" ответить - "просто христианин, крестьянин": Против Бога на земле

Жил старик в одном селе, - "великая русская мечта о прекращении истории". Другая открывается, если вспомнить, что по-древнерусски язык значил народ. Принадлежность слова языку так же жестка, как и ответ Человека, что он "сын человеческий". Итак, когда в гениальных стихах выявляется родовая связь слова, его принадлежность к языку, оно является "как таковое", и это есть следование "закону свободы".

Отлично!

А вот и пример: в двух строках - "и свои то мне губы не любы, / и убийство на том же корню" Мандельштам выявляет единосущие губы и убийства, прослеживаемое и в этиологии /через сгиб и гибель/. Сравни это хотя бы с его же - "от ревности сухими губами ворожить", где разыгрывается материальная значимость.

Верно, ведь собственно одно из отличий идеализма от материализма это разное отношение к субстанции. Согласно материалистическому пониманию, субстанцией является движущаяся и изменяющаяся материя, а идеалисты признают субстанцией идею, дух. Таким образом, всякий, кто отрицает идею корня, стоит на позиции материализма и верит в непринужденность поэзии.

Т.е., по-твоему, Мандельштам, когда писал "слово - чистое веселье", "простой хлеб -- веселье и тайна", "все причащаются, играют и поют", - был материалистом?

Да, христианским. В этих стихах разыгрывается мистерия православия. Не тот-же ли праздничный дух поэзии "отпущенной на свободу для игры и веселья" и в пушкинском золотом локоне, порою мелькающем в пасмурном городе, и в пастернаковской "феерверке праздничности"? Отчаяние же стихов о Незвестном солдате", как и мерная суровость "Камня" - "немногие для вечности живут" - скорее сродни протестантству.

Так.

Здесь достаточно сравнить пушкинское "и мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут" - гармонию равновесия мысли и чувства, полноту естественной индивидуальности, с твердой решимостью Мандельштама, "чтоб звучали шаги как поступки", еще в двадцатые годы определившего "общественный путь и подвиг современного поэта".

Да, но не слишком ли мы драматизируем ситуацию, внося излишний героический пафос?

Вряд ли, по крайней мере, не более, чем она "драматизирована в Евангелии: "подвизайтесь входить тесными вратами".

"Отчаянье честней, тесней чего?" - спросил Виктор Кривулин, противопоставив "Зритальному волшебству" и "световому .. раю" праздничности Евангельский путь тесный. А это уже наша поэзия.

И наша действительность, в которой; увы, таких стихов очень мало... И неудивительно. Едва спасаясь от обезличивания, мы начинаем отстаивать свою индивидуальность. Ведь, если в первой действительности художник служит народу, то вторая и собралась как форма сохраненья себя в культуре. В силу чего она, как и первая чужда единой соборной церкви, куда может войти только личность ценой самоотверждения. "Ненавидящий душу свою в мире сем, спасет ее в жизнь вечную".

Здесь пожалуй, и ответ на вопрос о христианском искусстве, которое, очевидно, не есть лишь произведения на религиозную тему, но любой творческий след самоотверждения личности, того единственного и главного, что роднит христианского художника с подвижником.

Да, и разница между христианским искусством и советским такая же, как между самоотвержением и самоотдачей.

Мне кажется, в европейской культуре мы находим две четко выраженные ориентации - на жизнь и на смерть. Одна - материалистическая, выраженная, в частности, в брошюре общества "Знание" массовым тиражом: "Смысл жизни - в самой жизни". Другая высказана Н.Я. Мандельштамом: "Поэзия еще в большей мере степени, чем философия есть подготовка к смерти".

Т.е. жизнь для вечности. Иными словами, для христианина смысл жизни есть нечто равноценное ей, ценность, которую он выкупает ценой своей жизни. /Но не чужой, и в этом отличие христианства от известной идеологии/. Слова же Надежды Яковлевны, я думаю, применимы только к духовной сфере, ибо мышление - это ~~длительный~~ подготовка к смерти, а "христианское искусство - действие, основанное на идеи искупления."

Верно, а декларация о том, что смысл жизни содержится в ней, - первая листочка поворота нашего общества к гедонизму, сопутствующим фактором которого будет потеря престижа мысли. На этом фоне тенденции к самозабвенной игре, к легкости гармонической естественности находятся, пожалуй, в общем русле.

Нет. Ты совершенно напрасно смешиваешь удовольствие и "чис-
тое веселье". Удовольствие довлеет себе и не способно на чистую радость. Как заметил Виктор Кривудин, у нас "немногорадостный праздник, зато многолюдный". Ведь только любовь "не радуется неправде и сорадуется истине".

Ты думаешь, что мы зря исключили радость из христианской культуры?

Да, ведь как сказал апостол Иаков, "болен ли кто из вас, пусть молится, весел ли кто — пусть поет псалмы." Или вспомни пляску Давида. Другое дело, может ли в больном обществе существовать цельная, либо исцеленная личность?

